

VI

Когда Запад пришел на Восток

Флагеллантизм культуры

Флагелланты, или самобичеватели входят в образ европейского города мрачных времен. Божественный гнев пытались умилистить, наказывая самих себя, в надежде смягчить ниспосланную на них кару небес, получить прощение.

Самобичевание культуры в целом воспринимается как ее упадок. Когда общество утрачивает веру в самое себя и начинает просить извинения вместо того, чтобы уверовать в собственную миссию, то время его прошло. Если оно не верит в себя, тогда невероятно, что другие верят. Вакуум должен быть заполнен чем-то новым, умирающая культура должна быть замещена более жизнеспособным вариантом.

Внезапное крушение миссии с неизбежностью вызывает уныние тех, кто вложил слишком много в то, что оказалось утратившим ценность. Прожитая жизнь в новом свете может показаться ложью, которая не дала того, что обещала, и не оправдала принесенных жертв.

Драматическим примером крушения идеологии является крах коммунизма в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Экспансивная и самонадеянная идеология, которая в течение более полувека в доказательстве правоты своего учения была святее папы римского, в середине 1980-х гг. предприняла реформы, которые с необычайной

скоростью привели к революции. Самые первые застенчивые признания того, что что-то делалось ошибочно, уже были сенсацией. За пару лет перешли к языку, который выбил почву из-под убедительности идеологии. Когда начали говорить о «демократизации», при этом признавали, что вся официальная сказка о несравненной демократичности системы была ложью. От этого был только один шаг, чтобы западные страны, непригодность которых была аксиомой, стали образцом, достижение которого было еще делом далекого будущего.

Крушение коммунистической идеологии оставило за собой дымящиеся руины, уничтоженные жизни и материальную нищету. Глубокая пропасть в уровне жизни мира переместилась на восточную границу Финляндии. Так обстояли дела несколько лет в 1990-х гг.

Духовно Россия сбросила общую моральную слабость и уныние. Преступность и алкоголизм достигали огромных масштабов. Уродливые популистские и фашистские движения приобрели немало сторонников. Опасались веймарского эффекта, когда произойдет радикализация утратившего свои сбережения и идеалы среднего класса и к власти будет приведен новый Гитлер.

Этого не произошло. Россия пережила утрату империи, экономическую катастрофу и духовный тупик спокойно, можно даже сказать, достойно. В политике на националистические линии перешли через несколько лет после краха, в тот период, когда страна была уже управляема и быстро богатела. У этой политики был скорее центристский характер, чем спонтанная поддержка. Очевидно, что она на условиях новой клептократии вносила успокоение в массы скорее, чем серьезная и даже рациональная политическая программа.

Но несомненно, что новый курс подходил к духу времени. Российский флагеллантизм был в 1990-е гг. глубоким и ревностным. В глазах интеллигенции вся история России снова представляла необъяснимой одиссеей, как еще в 1830-е гг. писал об этом Чаадаев.

Осуждение России, сострадательное или презрительное, также было давней традицией интеллигенции. По ее мнению, Россия была изначально неверно сконструированной страной, основанной на угнетении и насилии. Государство должно было поддерживать страх, но интеллигенция презирала тех, кто не осмеливался угрожать *власти*. Последней возможностью была эмиграция. Уже Лермонтов жестко писал о своей родине:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ...

Поэт желал за горами Кавказа освободиться от российских «всевидящих глаз и всеслышащих ушей».

Упоминание о «немытости» России не было критикой ее угнетаемого и несчастного народа, но не было и комплиментом для него. Причиной могло быть самодержавие и крепостное рабство, но в любом случае результатом было то, что в России следовало бы многое изменить, на самом деле — все. Это было ядром гражданской веры интеллигенции всегда и до того, когда это в действительности произошло и сами зачинатели процесса «попали под каток».

Славянофилы, со своей стороны, приветствовали крах коммунизма, но их весть дошла только до немногих и избранных. Среди всеобщей нищеты трудно оценивать период коммунизма иначе как колоссальное заблуждение, которое глупо и безжалостно требовало от народа жертв ради ничем не обоснованных фантазий. Миссию России пытались создать, следуя идее братства и жертвенности, как альтернативе западным индивидуализму и эгоизму. Жертвенность ради пустых идей не убеждает никого, и единственное, что сохраняло ценность в глубинах самобичевания, так это прославленная победа в Великой Отечественной войне, хотя политика Советского Союза в то время могла вызывать дискуссии. Растрачивание человеческих жизней, захватническая политика, сотрудничество с Гитлером, военная и политическая неготовность к войне в разные ее периоды были фактами. Необходимость огромных жертв отнюдь не была очевидна, она не могла быть отнесена только на счет немцев.

Смирение всегда считалось добродетелью русских, даже величайшей добродетелью. В 1990-е гг. для нее нашлось применение. Россию просто смиряли разными способами, в том числе деятельностью приехавших в страну тысяч экспертов, которые рассказывали, как те или иные дела решаются в цивилизованном мире. Аксиоматичной и нормальной поговоркой среди русских было выражение, что в России ничто не может быть сделано правильно. На Западе Россию часто относили в разряд развивающихся стран. Для России собиралась и посылалась помощь. Помощь — такое дело, которое принижает ценность человека больше, чем что-либо другое. Потрясающе, но оказывающий помощь размышляет

одинаково с ее получателем. Так что получивший помощь едва ли когда-то прощает. В Германии сбор был прекращен по просьбе российского посольства.

И времена изменились удивительно быстро. В 1998 г. Россия вынуждена была пойти на огромную девальвацию, когда курс рубля упал в четыре раза. Бедность, которую считали уже миновавшей, снова вернулась. Ельцин был не способен дать народу ничего, кроме нищеты и свободы, последняя на практике едва ли давала большинству народа что-то большее, чем цирковые зрелища в виде политических схваток и чокнутое американское телевидение.

Период Путина был иным. Записанная на счет Ельцина девальвация придала рост российскому производству, а растущие цены на сырье начали быстро возвращать жизнь парализованной экономике. Во время Путина собирали плоды. Российские города наполнились великолепными универмагами, учитывающими потребительские привычки, в стране быстро возник средний класс, который насчитывает десяток миллионов человек. Правда, многочисленные бандиты, которых скромно называли олигархами, присвоили огромную часть национальной собственности и не спешили вкладывать деньги в процветание родины, но деньги все же крутились в России тоже, и во многих случаях благосостояние было явно выше, чем в советские времена, насколько оно измеряется деньгами.

Новые русские, а в данном случае речь идет не только о высшем слое, карикатурное чванство которого в мире почти исключительно в своем роде, а о новом среднем классе, в 2000-е гг. начали возвращать себе самосознание. Представляется очевидным, что это самосознание предполагало во многих случаях демонстративное потребление. Каждый, кто мог, приобретал автомобиль, телевизор, мобильный телефон и компьютер самых новейших моделей. Любое накопление было еще более непопулярным, чем в советское время. Тогда только копили, т. к. покупать было нечего. Демонстративная показуха в сегодняшней России пренебрегает практической пользой. Интересно, что в период коммунизма официальный взгляд был как раз противоположным, и в силу обстоятельств господствующим. В советский период использовалось все, что можно было использовать. Ненужное стремление к изящности было верным признаком мелкобуржуазности — злейшим из идеологических прегрешений, но негативное отношение к ней определялось не только исходящим сверху официальным мнением. Мелкобуржуазность действительно презиравалась в кругах

интеллигенции, отчасти по той причине, что это предлагало также оружие, с помощью которого можно было, оставаясь политически корректным, критиковать обеспеченных, т. е. образ жизни номенклатуры.

В силу того, что Советский Союз рухнул, что во многом следует считать осуществленной интеллигенцией революцией, как и революцию 1917 г., скоро для интеллигенции снова настало судьбоносное время.

Активисты перестройки очень часто были архетипичными интеллигентами, непрактичными и идейными людьми, слугами народа с пылкой душой. Когда начало становиться понятным, что процесс может принести хорошие материальные возможности, в него вошли с воодушевлением советские руководители, партийные и комсомольские аппаратчики и силовики. Идейные люди быстро заметили, что «выпали из санок», и вся интеллигенция пришла к моральному краху. Та совершенная с пылом работа, целью которой было выстраданное освобождение народа и уничтожение лжи, принесла в качестве результата обнищание народа и обогащение за его счет некоторых хвастунов. Когда стали искать виновных, таковыми оказались интеллигенты — «демократы». Это, обозначающее власть народа слово, стало в России ругательным, и каждый побывавший в России 1990-х гг. мог прочесть на стенах все новые оскорбления, адресованные «демократам», которых надеялись вздернуть или, как говорят в России, — послать в одно место — куда подальше...

Для несчастной российской интеллигенции, намерения которой были самими лучшими, окончательным итогом, каковой представлялся еще в начале 2000-х гг., была катастрофа. Так что все интеллигенция просто исчезла с полотна. Многие писатели заявляли, что она умерла. В «нормальных» государствах, каковым теперь была Россия, уже не требовалась интеллигенция, которая размышляла бы и страдала за народ. В России были теперь только «интеллектуалы», как на Западе, и им снова было разрешено критиковать все, включая народ. Правда, в России выходят еще так называемые «толстые журналы», в которых интеллигенция время от времени рассуждает и дискутирует. Политическая оппозиция существует, и в некоторых газетах интеллигенты пишут даже еще более неподкупно, чем прежде. Отличие только в том, что их не хотят слушать. Россия 2010-х гг. — еще более мещанская страна, удовлетворенность которой собой ничто не колеблет. Все же интересные критические идеи интеллигенции

никто с воодушевлением не разделяет. Правды нет — таков давний стон русских. «Власть» в России всегда власть, как бы не меняла она свое название. Так можно было бы истолковать то состояние упадка, в котором оказались традиционные критики российского общества. Правда, не следует преувеличивать, ведь власть критикуется и коррупции ужасаются. Однако это уже ни в ком не зажигает идейного пламени. Каждый знает недостатки и каждый знает, что от этого тщетно вставать на дыбы. «Это — Россия», — говорит интеллигент или, следовало бы сказать, интеллектуал. Считается, что он любит свою страну и страдает за нее, но не делает из этого идеологии и не верит, что можно что-то сделать.

В российской культуре имелось сильное средство флагеллантизма еще до революции 1917 г. Эта революция означала, однако, скорое свержение интеллигенции и возникновение новой кичливой государственности.

Советский Союз был официально образцовым обществом, не имеющим себе равных, и инакомыслящие могли существовать там только в подполье. До Второй мировой войны это довольно часто давали понять буквально. Официальный образ Советского Союза поддерживали многочисленные иностранные политические паломники, интеллектуалы, которые были непримиримыми критиками своих собственных стран и бичевали недостатки своей родины, указывая на отсутствие их в Советском Союзе.

Эстафетная палочка флагеллантизма после российской революции вскоре была передана Западу, где существование образцового государства — Советского Союза воодушевляло интеллектуалов и обеспечивало их критическими материалами; они, со своей стороны начали бичевать недостатки буржуазного общества еще с середины XIX в. Советский Союз стал основным пунктом политического паломничества, и его критика в кругах западной интеллигенции была табу, по крайней мере, до перестройки. Один из авторов «Черной книги коммунизма» объяснял появление книги только после крушения коммунизма тем, что французская интеллигенция не оставила бы в покое того, кто осмелился бы опубликовать подобный опус несколькими годами ранее.

Та часть западной интеллигенции, которую исследователь политического паломничества Поль Холландер называет отчужденной интеллигенцией, была очень специфической, критически настроенной группой. Для них была аксиомой низкая оценка собственной родины, и ее стремились доказать, используя для сравнения только абстрактные принципы, что, в целом, являлось

малоубедительным методом, но имело хождение среди высокообразованной части публики. Та, со своей стороны, была способна формировать общественное мнение. Именно из этих кругов ведут свое происхождение как различные модные радикальные взгляды, так и так называемая политическая корrekтность.

Как констатировал в своей пионерской работе Холландер, действительной целью политического паломничества отнюдь не являлось использование его для конструктивной критики и улучшения дел, но для нападения на собственную родину. Родиной венгра по происхождению Холландера являлись Соединенные Штаты, и процветающий там антиамериканизм предлагал ему неиссякаемый объект исследования как за рубежом, так и на родине. Первое издание рассматривающей антиамериканизм огромной книги Холландера было опубликовано в 1990 г., т. е. в тот момент, когда Советский Союз разваливался, но еще существовал, и когда об уничтожении двух башен и об «Аль-Каиде» еще ничего не знали. В последующих изданиях Холландер попытался объяснить, имело ли крушение Советского Союза и вообще реального социализма какое-то воздействие на антиамериканизм в целом и на американское самобичевание в особенности.

Удивительно, но именно влияние заметно и не было. Холландер пришел к тому выводу, что поскольку вопрос касается собственно американского антиамериканизма, особой связи с внешней действительностью не просматривается. Главные факторы другие. Речь, прежде всего, идет о кризисе цели жизни. Социальное отчуждение связано с отрывом личности от семьи, общества, государства. Падение значимости веры является важным побочным фактором, и некоторые процессы социального разложения происходят очень быстро. В 1960-е гг. в Америке только 5 % детей рождались вне брака, тридцать лет спустя количество таковых достигло уже трети, из которых две трети приходилось на афроамериканцев. Распад семьи — только один, но во многих отношениях главный индикатор. Размышлявший над антиамериканизмом Холландер был вынужден прийти к тому выводу, что антиамериканизм сам по себе отнюдь не является необъяснимым. На самом деле, то, что элита государства столь открыто заявляет о деградации страны, само по себе уже является признаком деградации.

Иррациональное антиамериканское самобичевание в Америке, как его называет Холландер, прежде всего, сосредотачивается на различных аспектах проблемы равенства. Точнее говоря, вовсе не на общем критерии равенства, а на глубоком нигилистическом

ценностном релятивизме и прямой поэтизации негодного. Преступники и подобные им становятся примерами для подражания, преступления объясняются обусловленными самим обществом и утверждается, что все несут за них ответственность. В результате преступник становится жертвой. У жертвенности достаточно сфер применения. В действительности, никто не считает себя ответственным за деяния, а считают себя жертвами общества, за исключением становящегося меньшинством гетеросексуального белого населения. Уважение и жалость разделяются в соответствии с принципами эгалитаризма, и особенно уважаемы те личности, которые уже утратили способность различать жертв и виновных и выражают сострадание последним.

В соответствии с утонченным сентиментализмом это касается, однако, случаев, в которых виновные принадлежат к некому, так называемому угнетаемому меньшинству, в которое зачисляются также женщины, хотя они и являются большинством. Коллективная виновность американцев персонифицируется в белой гетеросексуальной массе, которая в отличие от других ответственна за свои деяния.

Напрасно говорить, что рисуемый Холландером сценарий осуществляется и в Финляндии. В нашем обществе пока была только такая небольшая группа, которая с удовлетворением подчеркивает, что она неспособна отвечать за свои деяния. Женщины у нас не особо желают принимать на себя эту роль, хотя она им предлагается. Отряд иммигрантов, однако, растет быстро, а гомосексуалисты, садомазохисты и прочие соответствующие меньшинства уже выбрались на свет. Помимо них наши интеллектуалы всегда могли наказывать мейнстрим финского общества за то, что он неправильно относится к русским. До войн упрек касался того, что обыватель не умел ненавидеть соседа достаточно как заклятого врага, как это тогда предполагало новое и модное учение юных радикалов. Для этого тогда за границей имелась своя параллель — особенно Горький в 1930-е гг. выступал в качестве придворного певца Сталина и проповедовал блаженство и величие непримиримой классовой ненависти.

С 1960-х гг., однако, ветер переменился, и новое поколение молодежи заметило, что предшественники относились к огромному восточному соседу совершенно не так, как следовало бы.

Как интеллигенция сейчас осознала, Финляндия не была жертвой России, но Россия была и будет жертвой Финляндии — сейчас и всегда. Сейчас и всегда. Уже в 1960-е гг. Вильям Васильевич По-

хлебкин своей ура-патриотической книгой «Финляндия как враг и как друг» заслужил большую признательность и едва ли критику. Несмотря на невероятную неправдоподобность этой книги, ее основной идеей было то, как иронически подытожил Осмо Юссила, что у России всегда были дружественные намерения в отношении Финляндии, но непонимание последней выхолостило благородные намерения и привело к трагическим последствиям.

В «тайстоизме» молодых коммунистов 1970-х гг. «понимание» России достигло вершин абсурда, и пропагандируемый Отто Вилле Куусиненом лозунг, согласно которому «безоговорочное» отношение к Советскому Союзу было необходимым качеством каждого истинного коммуниста, цитировался как откровение, им восхищались как величайшим интеллектуальным подвигом. Нетрудно заметить, что ключевым являлось психологически важное требование отказаться от критического мышления. Термин «антифинскость» (как параллель термину «антиамериканизм») в связи с нашим молодежным радикализмом обычно не употреблялся, но фактически речь именно об этом. Флагеллантизм, насмешки над собственной страной и ее историей и нападки на нее — сравнимое с антиамериканизмом явление. Не удивительно, т. к. образец в годы нового левачества — 1960-е — был получен именно оттуда. У нас никто не решился бы тогда сам сжигать военный билет, если бы не было американского образца. Вся абсурдность этого явления поражает еще спустя десятилетия. В Америке сжигание военных билетов было связано с Вьетнамской войной. А наших войск во Вьетнаме не было.

После самых буйных лет флагеллантизм в Финляндии до некоторой степени ослаб, по крайней мере, в отношении истории нашей страны. Наши последние войны, правда, не провозглашаются ныне преступными. То, что имеется *lunatic fringe*, который так поступает, не сказывается на общей ситуации.

Вообще, интеллигенция — не народ. Похоже, что довольно большая группа финнов, правда, уже в основном пенсионеры, считает, что финны всегда были жертвой в общей истории Финляндии и России. У этой группы получают поддержку те, кто выступает за возвращение Карелии, но которая, пожалуй, скоро покинет нас по естественным причинам.

В России у мысли о русском человеке как о великом страдальце — давние и древние традиции. Помимо того, что православная вера отводит страданию центральное место, возводя Пасху в ранг главного церковного праздника, российская интеллигенция также

всегда считалась первой страдальцей за народ, и этот ее моральный долг был императивом для новых поколений интеллигенции.

Антисоветизм понимался в свое время в Советском Союзе как политическое движение, у которого имелась социальная подоплека. В каждой капиталистической стране объективно имелись как просоветские, так и антисоветские силы. Первые были прогрессивными и связанными с поднимающимися трудящимися классами, вторые — реакционными. После крушения Советского Союза антисоветизм нашел свое место в салонах и в самой России. Антикоммунизм мог быть, впрочем, и истинной русофилией. Коммунизм винили именно в уничтожении русского духа и русских традиций. Так, например, делал Станислав Говорухин в своем известном документальном фильме «Так жить нельзя!»

Но крах коммунизма не породил большего общего братства народов, чем коммунизм. Пропасть между народом и властью отнюдь не уменьшилась, но явно стала значительно глубже, т. к. бывший высший класс захватил большую часть национального достояния и сделал ее своей собственностью. У большинства российского народа не было причин для восторга, он страдал.

В качестве причины страдания в России традиционно называлось помимо заключенного в человека зла самодержавие и крепостное право или его остатки. Лишь второстепенное значение имели проповедовавшиеся разными базарными крикунами причины, таившиеся в среде таких меньшинств как евреи или же в тайных мировых союзах, о чем твердили черносотенцы сотню лет тому назад и твердят сейчас их собратья по духу.

В советское время, разумеется, говорилось о завершении мировой истории международного империализма, стоящего на пути советской власти, в силу чего в «Стране Советов» следовало иметь самую большую в мире армию и оказывать помощь всем прогрессивным силам в мире, которые могут быть союзниками в этой гигантской борьбе Гога и Магога. Наличие империализма делает необходимым само государство, этот инструмент насилия. В другом случае оно стало бы отмирать как ненужное, т. к. коммунистический человек смог бы сам управлять собой.

В посткоммунистическое время эти басни уже не имеют широкого хождения. Для правящего класса неприятно, когда ему колют глаза досадными делами, что вообще считается уместным в отношении ответственных политиков в других странах. Иностранных козлов отпущения можно всегда показать, и их находят, например, в лице бывших стран Восточного блока, государств Балтии, а также

США, — все подходят на эту роль. Для них всех сложно подыскать общее наименование, но, кажется, таковое все же прорисовывается. Речь идет о так называемой русофобии, иррациональном страхе и ненависти, которые обращены именно на русское, по какой причине — знает только Создатель. Во всяком случае, российские власти сейчас, кажется, широко эксплуатируют это представление, которое, видимо, во многом замещает прежний антикоммунизм.

Жертвенность, как уже говорилось, в России ценится издавна, и у многих русских есть основания ощущать себя жертвами. Интеллигенты старого поколения, напротив, ощущают себя привилегированными, они были кающимися людьми, желающими оплатить свой долг народу. Такое настроение, как представляется, полностью отсутствует у нынешних российских высших классов общества. Пожалуй, это связано с тем, что каждый из них одинаково испытывал угнетение коммунистического общества и, следовательно, не в ответе за народные страдания.

Но как долго будет сохраняться такая ситуация? Социальное неравенство в России более остро, чем в других развитых западных странах. Рождается поколение, которое способно видеть, что благосостояние высших слоев получено за счет народа, не заработано, а разделение получаемых за счет экспорта национальной собственности средств — неправильно. Как долго добрая совесть высшего или даже нового среднего класса позволит ему щеголять кичливыми тратами перед бедняками? Как долго сами бедняки будут это терпеть? Есть ли у них альтернатива?

Отличает ли национальный характер Россию от Запада?

Связь России и «Европы» сложна. Связь Финляндии и России по своему есть отражение этой связи. Однако Финляндия во многих отношениях представляет особый случай.

Что, в конце концов, представляет собой так часто упоминаемая в этой книге «китайская стена», отделяющая финнов и русских друг от друга? Часто утверждается, что Россия XIX столетия была во многих отношениях более «европейской», чем Финляндия. Именно в Петербурге опережали Финляндию в следовании новейшим европейским течениям, и во всем своем космополитизме метрополия на Неве была более открытой и более развитой, чем провинциальная Финляндия. Однако заключается ли вопрос